

Елена Коряковцева

"Nomina actionis" с новыми интернациональными формантами в русском языке эпохи постмодерна : в сопоставлении с польским и чешским языками

Studia Rossica Posnaniensia 35, 83-92

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

**NOMINA ACTIONIS С НОВЫМИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМИ
ФОРМАНТАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПОЛЬСКИМ И ЧЕШСКИМ ЯЗЫКАМИ)**

**NOMINA ACTIONIS WITH THE NEW INTERNATIONAL DERIVATE
FORMANTS IN RUSSIAN LANGUAGE OF POSTMODERN PERIOD
(IN COMPARISON WITH POLISH AND CZECH LANGUAGES)**

ЕЛЕНА КОРЯКОВЦЕВА

ABSTRACT. The article undertakes to show that in great measure the derivation of neologisms, including *nomina abstracta*, in Russian and in other Slavic languages links with morphological internalization and “linguistic globalization” processes. *Nomina abstracta* of Russian, Polish, Czech and other Slavic languages in the situation of the lingual contacting for some time past are used as an illustrative material. Some peculiarities stipulated by the influence of the contacting language are distinguished. This reflects on the lexical composition of international words, international elements of diverse derivative activity, changes in the morphemic structure of *nomina abstracta* in particular.

Elena Koriakowcewa, Akademia Podlaska, Siedlce – Polska.

В современную эпоху амероглобализации и постмодерна, когда интенсивно разрушаются лингвокультурные нормы, в славянские языки усилился приток интернационализмов англоязычного происхождения, в основном – терминов, пополняющих как конкретную, так и абстрактную лексику¹. Существует мнение, что заимствование чужих *nomina abstracta* не безопасно, поскольку абстрактная, „интеллектуальная” лексика, отражающая своеобразие национально-языкового сознания, оказывает значительное „обратное” влияние на его эволюцию². Ход этой эволюции может быть нарушен вследствие употребления иностранных *nomina abstracta*, которые не имеют четкой внутренней формы в сознании носителей языка-реципиента и потому обладают высоким

¹ См., например, Е. Л о т к о, *Co a jak ovlivňuje inovační procesy ve slovní zásobě (materialu češtiny, slovenštiny a polštiny)*, [w:] *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*, red. Z. Rudnik-Karwatowa, Warszawa 2003.

² См. В.В. К о л е с о в, *О логике Логоса в сфере ментальности*, „Мир русского слова” 2000, № 2.

манипулятивным потенциалом. Анализируя возможности когнитивного кодирования носителей языка-реципиента, специалисты указывают, что для целей скрытого манипулятивного воздействия наиболее пригодны заимствованные форманты – с их помощью образуются семантически нерегулярные дериваты с неясным, „размытым” значением³. Выясняя, действительно ли появление специфических комбинаторных ситуаций нарушает закономерности словопроизводства *nomina abstracta* и служит манипуляции сознанием, в данной статье мы рассматриваем русские абстрактные существительные с новыми интернациональными формантами англо-американского происхождения (*-инг*, *-ейт*), сравнивая их с *nomina actionis*, образованными с помощью греко-латинского суффикса *-изациј-*, известного с XVIII века. Исследование проводилось в сопоставительном плане: наряду с русскими *nomina actionis* были проанализированы польские и чешские абстрактные существительные с изофонными финалями *-izacjal*-*yzacja*, *-izace*, *-ing*, *-gate*. Выбирая в качестве объекта сопоставительного изучения именно польские и чешские *nomina actionis*, мы руководствовались замечанием академика В.В. Виноградова о тесной связи русского, польского и чешского языков в сфере абстрактной лексики⁴. Полагаем, что анализ с учетом данных этих близкородственных языков позволит увидеть наблюдаемые процессы в более широком контексте и соответственно сделать, как нам представляется, более достоверные выводы об инновационных процессах в области *nomina actionis*.

1. Инновация в языке – это не любое новшество (нововведение или новообразование), а только такое, которое существенно влияет на функционирование системы языка в целом или отдельных его подсистем. Полагаем, что о словообразовательных инновациях можно судить только после проведения синхронно-диахронического анализа исследуемого класса дериватов.

1.1. Такой анализ, учитывающий семантические, словообразовательные и грамматические особенности русских *nomina actionis*, показал, что семантико-словообразовательная категория производных имен действия с древнерусского периода включает в себя словообразовательные категории отглагольных и отыменных *nomina actionis*, причем значения отглагольных имен действия противопоставлены значениям отыменных *nomina actionis* как значения абстрактные значениям конкретизированным⁵. Отглагольные *nomina actionis*,

³ О.А. Ч а л м о в а, *Прагматическая мотивированность производного слова в политическом дискурсе*, [в:] *III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.). Труды и материалы: в 2-х томах*, ред. К.Р. Галиуллин, Г.А. Николаев, т. 2, Казань 2006, с. 101–103.

⁴ В.В. В и н о г р а д о в, *Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка*, [в:] его же, *Избранные труды. Лексикология и лексикография*, Москва 1977, с. 45.

⁵ См. Е.И. К о р я к о в ц е в а, *Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика*, Москва 1998, с. 181–194.

образующие центр, ядро семантико-словообразовательной категории, обозначают „чистое действие”, действие вообще, как факт человеческого бытия. Неотглагольные (отсубстантивные и отадективные) имена действия, находящиеся на периферии семантико-словообразовательной категории *nomina actionis*, обозначают состояния и действия, замкнутые в субъекте (*адвокатство, изгнанничество, схимничество*), а также синкретичные действия-качества и состояния-свойства (*безумство, жеманство, усталость*). Со второй половины XIX века категории отсубстантивных и отадективных *nomina actionis* стали пополняться существительными, обозначающими объектно-ориентированный процесс. Этому процессу предшествовала морфемизация терминов с финалью *-изация*, греко-латинских по происхождению, которые начали входить в русский язык в Петровскую эпоху. Как известно, существует 5 стадий морфемизации: 1) иноязычные элементы вычленяются лишь как регулярно повторяющиеся в ряде слов отрезки; 2) на почву языка-реципиента переносятся производящие для слов с данным элементом и возникает структурно-семантическая соотносительность между группами заимствований; 3) от исконных производящих основ образуются единичные дериваты с иноязычным формантом, как правило – окказионализмы; 4) иноязычный формант сочетается как с заимствованными, так и с исконными основами; 5) интенсивно растет словообразовательная активность и продуктивность заимствованных морфем⁶. В русском языке морфемизация структурного элемента *-isaci(o)/-izaci-*, пройдя все стадии, длилась более 250 лет (с начала XVIII века до 60-х гг. XX века). Вследствие морфемизации сформировался суффикс *-изациj-* с автономным процессуальным значением. Со второй половины XX века с помощью этого суффикса активно образуются отыменные процессные *nomina actionis*⁷. Круг именных основ, интенсивно вовлекаемых в их словопроизводство, очень широк. Это: 1) конкретно-предметные существительные (*контейнер, сауна*); 2) вещественные существительные (*десикант*); 3) названия наук (*биология, кибернетика*); 4) названия лиц (*мусульманин, христианин*); 5) названия стран (*Канада, Финляндия*); 6) названия болезней (*шизофрения*), 7) отыменные относительные прилагательные, формальные признаки которых сохраняются в структуре ряда существительных на *-изация* (ср. *африканский – африканизация, монументальный – монументализация*). В языке общероссийских газет с начала 90-х гг. XX в. регулярно появляются отыменные *nomina actionis* типа *артизация* („Труд” 1992, № 14), *ваучеризация* („Известия” 1992, № 30), *долларизация* („Комс. правда” 21.04.1997 г.), ср. также неологизмы конца XX – начала XXI века: *алкоголизация, бандитизация, бартеризация, витринизация, гайдаризация, дебилизация, западнизация, интернетизация, китаизация, маргинализация, мауглизация, монетизация, нарко-*

⁶ Ср. О.П. Сологуб, *Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке*, Новосибирск 2002, [в:] <http://www.philology.ru/linguistics2/sologub-02.html>

⁷ Е.И. Коряковцева, *Имена действия...*, указ. соч., с. 70–74, 177–181.

тизация, параноизация, патриотизация, пейджеризация, поганизация, политизация, попсовизация, проституизация, серверизация, хамизация, чеченизация, чубайсизация, шизоизация, эстрадизация и др.

В структуре лексического значения производящих имен существительных и прилагательных процессуальная сема либо является периферийной, либо отсутствует вообще, и следовательно, процессуальное значение отыменных *nomina actionis* на *-изациj(a)* определяется семантикой заимствованного суффикса, используемого русским языком в качестве терминоэлемента, который имеет строго определенное значение и „узаконенную” интернациональным употреблением форму.

1.2. В польском языке существительные с финалями *-acja*, *-izacja/-yzacja*, заимствованные, как правило, из латыни, появляются в конце XV – начале XVI века. В этот период финали *-acja*, *-izacja* еще не функционировали как форманты, поскольку с их помощью не образовывались дериваты от исконных основ. Существительные с финалями *-acja*, *-izacja*, соотносительные с однокоренными словами, были членимыми, но непроизводными⁸. Образование имен действия типа *piełęgnacja* от исконных глагольных основ с помощью суффикса *-acj(a)* началось только в XX веке, однако этот процесс не был активным: в период с 1945 по 2000 г. появилось менее 10 дериватов с суффиксом *-acj(a)*⁹. Значительно активнее шло образование имен действия с помощью суффикса *-izacj/-yzacj(a)*. Во второй половине XX века появилось более 300 существительных с финалью *-izacja*, формально и семантически соотносительных как с глаголами, так и с именами – существительными и прилагательными: *aktualizacja*, *amerykanizacja*, *aromatyzacja*, *biurokratyzacja*, *finalizacja*, *harmonizacja*, *humanitaryzacja*, *prymitywizacja*, *radikalizacja*, *rejonizacja*, *stabilizacja*, *symbolizacja*, *synchronizacja*, *wulgaryzacja* и др.¹⁰ Вследствие семантической реинтерпретации *nomina actionis* с финалью *-izacja/-yzacja* сформировались новые отсубстантивные и отадективные словообразовательные типы: в современном польском языке десятки имен действия на *-izacja/-yzacja* соотносятся либо только с существительными (например, *estetyzacja*, *hitleryzacja*, *hormonizacja*, *judaizacja*, *mitologizacja*, *spirytualizacja*, *stygmatyzacja*, *substantywizacja*), либо только с прилагательными (*jarowizacja*, *komunalizacja*, *politechnizacja*). Интересно отметить, что польские отыменные имена действия на *-izacja* имеют те же процессуальные значения, что и русские отыменные *nomina actionis* с изофонным формантом: 1) „процесс превращения в то, что названо мотивирующим существительным” (*biurokratyzacja*,

⁸ K. D ł u g o s z - K u r c z a b o w a, S. D u b i s z, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, Warszawa 2001, с. 368–369.

⁹ H. J a d a c k a, *System słowotwórczy polszczyzny (1945–2000)*, Warszawa 2001, с. 43, 77.

¹⁰ T. S m ó ł k o w a, *Nowe słownictwo polskie. Badania rzeczowników*. Wrocław 1976, с. 85.

бюрократизация); 2) „процесс создания, образования того, что названо мотивирующим существительным” (*mitologizacja, мифологизация*); 3) „процесс внедрения того, что названо мотивирующим существительным” (*estetyzacja, эстетизация*); 4) „процесс осуществления действия по способу (методу) лица, названного мотивирующим существительным” (*hitleryzacja, гитлеризация*); 5) „процесс наделения свойством, названным мотивирующим прилагательным” (*banalizacja, wulgaryzacja; банализация, вульгаризация*).

1.3. В лексикографической базе данных Института чешского языка АН ЧР зарегистрировано 244 существительных с финалью *-izace* (первые их фиксации с финалью *-isace* относятся ко второй половине XIX века, напр. *aklimatizace*, 1867 г.): *absurdizace, albanizace, bananizace, bruselizace, bulvarizace, bunkerizace, dolarizace, ekologizace, eurizace, globalizace, hamburgerizace, hollywoodizace, izraelizace, jelcinizace, kanibalizace, komputerizace, kriminalizace, lepenizace, macdonaldizace, planetarizace, regionalizace, satanizace, tabloidizace, vietnamizace, virtualizace, vapizace* и др.¹¹ Подавляющее большинство этих существительных соотносится не только с глаголами на *-ovat*, но и с именами – существительными и прилагательными. Автор основополагающей монографии по неологии чешского языка, О. Мартинцова отмечает, что существительные типа *alkoholizace, tabuizace, etapizace* с формантами греко-латинского происхождения, но вошедшими уже в слоообразовательную систему чешского языка, „могут образовываться непосредственно от существительных без посредства реально существующего глагола”¹².

Чешские отыменные имена действия на *-izace* имеют те же процессуальные значения, что и русские, а также польские отыменные *nomina actionis* с изофонными формантами, ср.: 1) „процесс превращения в то (того), что (кто) назван(о) мотивирующим существительным” (ср. *debilizace, дебилизация, debilizacja, satanizace, сатанизация, szatanizacja*); 2) „процесс создания, образования того, что названо мотивирующим существительным” (*tabloidizace, таблоидизация, tabloizacja*); 3) „процесс внедрения того, что названо мотивирующим существительным” (*medikalizace, медиализация, medykalicacja*); 4) „процесс осуществления действия по способу (методу) лица, названного мотивирующим существительным” (*zemanizace, ельцинизация, lepperizacja*); 5) „процесс наделения свойством, названным мотивирующим прилагательным” (*virtualizace, виртуализация, wirtualizacja*).

Итак, к моменту появления новых интернациональных формантов *-ing /-ing, -geim/-gate* в русском, польском и чешском языках уже функционировали продуктивные суффиксальные терминоэлементы *-изация, -izacja/-yzacja, -izace*, греко-латинские по происхождению, с помощью которых категории

¹¹ *Databáze heslářů slovníků „Ústava pro jazyk český Akademie věd České republiky”, 2005–2009, [в:] <http://lexiko.ujc.cas.cz>*

¹² О. М а р т и н ц о в á, *Problematika neologismů v současné spisovné češtině*, Praha 1983, с. 78.

отыменных *nomina actionis* активно пополняются семантически регулярными именами процессов.

2. Морфема *-ing(-инг)* считается интернациональной на том основании, что финаль *-ing* правильно вычленяется в составе англоязычных терминов и сходным образом семантически интерпретируется говорящими в большинстве европейских языков¹³. Однако процесс морфемизации англоязычного структурного элемента *-ing* протекает весьма своеобразно и в неодинаковом темпе даже в таких близкородственных языках, как русский, польский и чешский.

2.1. В русском языке первые англицизмы с финалью *-ing* появились в конце XIX века (напр., *митинг*). В 40-е гг. XX века функционировали серии слов с этой финалью, через несколько десятилетий словарями русского языка фиксируются уже более 100 существительных на *-инг*, обладающих односторонней суффиксальной мотивированностью (вторая стадия морфемизации). В основном это были термины, относящиеся к тематическим группам „спорт” (*айсинг, дотинг, джоггинг*), „военно-морское дело” (*бафтинг, браунинг*), „техника” (*антифидинг, рисайклинг*), „экономика” (*демпинг, лизинг, маркетинг*), „животноводство” (*аутбридинг, ауткроссинг*), „медицина” (*аутотренинг, скриннинг*) и т.д.¹⁴. На рубеже XX–XXI вв. речевая активность *nomina abstracta* с финалью *-инг* резко возросла под влиянием медиатекстов, насыщенных множеством англоязычных терминов (более 300 слов, по данным ССИС¹⁵), ср.: *бодибилдинг, боулинг, брифинг, (винд)сёрфинг, дайвинг, драйвинг, заппинг, инжиниринг, кастинг, кикбоксинг, клиринг, консалтинг, лизинг, лифтинг, маркетинг, мониторинг, паркинг, тирсинг, пиллинг, рейтинг, роуминг, скайтинг, туринг, тьюнинг, холдинг, хостинг, франчайзинг, шоппинг* и др.

„Инговое цунами” заимствований¹⁶ и англо-американомагия современных российских СМИ способствовали полному усвоению суффикса английского герундия *-ing* и превращению его в терминоэлемент с автономным процессуальным значением (пятая стадия морфемизации), который регулярно присоединяется к основам существительных, способствуя появлению многочисленных иронических и каламбурных неологизмов-*nomina actionis* в текстах СМИ и в репликах участников интернет-форумов, ср.: *бабинг, барабанинг, блевотюнинг, блюдолизинг, ведьминг, лизоблюдинг, мужикинг, подлизинг, пля-*

¹³ См. M. G ö r l a c h, *The Usage Dictionary of Anglicisms in Selected European languages: a report on progress, problems and prospects*, “Barcelona: links and letters” 1998, vol. 5.

¹⁴ См. А.В. Б о б р о в а, *Существительные на „-инг” в русском языке*, „Русский язык в школе” 1980, № 3.

¹⁵ Л.М. Б а ш, А.В. Б о б р о в а, *Современный словарь иностранных слов*, Москва 2005.

¹⁶ В.П. Г р и г о р ь е в, *Светлое будущее „инговых форм” в поэтическом языке*. Доклад на международной научной конференции „Художественный текст как динамическая система”, Москва 19–22 мая 2005, [в:] <http://ifi.rsuh.ru/print.html?id=54839>

жинг, плясинг, сексинг, шакалинг и др. Активности нового интернационального форманта *-инг* способствует не только англо-американская лингвокультурная мода, типичная для молодежной среды, но и потребность русофонов в создании слов-каламбуров, в языковой игре.

2.2. Имена действия с финалью *-ing* являются модными и достаточно употребительными также в польском и чешском языках, однако в польском языке словообразовательная активность этой финали практически равна нулю, несмотря на значительное число англицизмов (110), из которых 16 были заимствованы вместе с однокоренными словами, ср.: *menedżering – menedżer, snowboarding – snowboard, rapping – rap, banking – bank, kanioning – kanion, monitoring – monitor, sponsoring – sponsor, spaming – spam* и др. Хотя англицизмы с финалью *-ing* известны польскому языку, по крайней мере, с середины XX века, однако, по данным К. Вашаковой¹⁷, к началу XXI века на исконной базе не было образовано ни одного деривата на *-ing*. Таким образом, морфемизация суффикса английского герундия в польском языке остановилась на второй стадии.

2.3. В чешском языке немногочисленные англицизмы типа *dispatching* (‘ústřední řízení železniční dopravy’, [1930]), *trening* (1926), *yachting* (1936)¹⁸, в основном – термины, появились в первой трети XX века, однако это были морфологически изолированные трансплантаты, употреблявшиеся крайне редко. В качестве суффиксального форманта элемент *-ing* в чешском языке того периода словообразовательной активности не проявлял.

В современном чешском языке слова на *-ing* активно используются в компьютерном жаргоне, причем часто возникает своеобразная видовая корреляция т.н. „ing-forem” и отглагольных имен действия на *-ání*, напр., *rendering – renderování, streaming – streamování, trening – trenování*¹⁹. Существование таких пар обуславливает одностороннюю аффиксальную мотивированность „инговых форм”, способствует появлению в сознании носителей чешского языка эталона суффиксальной морфемы *-ing*. Показательно, что наряду с трансплантами типа *restyling, holding, paragliding, peeling, rafting, rating* употребляются также транскрибированные слова на *-ink: marketink, mítink, šejpink, šopink*, фиксируемые в словарях без стилистических помет. Как и формант *-инг* в русском языке, изофонный чешский структурный элемент *-ink* проявляет деривационную активность, однако с его помощью от исконно чешских основ образуются лишь единичные *nomina actionis* со значением процесса или состояния – окказионализмы типа *ležink* (ср. рус. *лэжсинг*), *pivink* (ср. рус. *пи-*

¹⁷ K. W a s z a k o w a, *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa 2005, с. 116.

¹⁸ *Databáze heslářů slovníků...*, указ. соч.

¹⁹ См. R. P í s k o v á, *Utváření lexikálních jednotek v komunikační oblasti informacních technologií*, Brno 2007.

винг)²⁰. В отличие от русского языка в чешском структурный элемент *-ing/-ink* находится лишь на третьей стадии морфемизации.

3. В постсоциалистических СМИ славянских стран, открыто провозглашающих акцент на негативных сторонах действительности как принцип своей деятельности, особое место занимает скандальная информация, мгновенно находящая эмоциональный отклик у потребителей продукции масс-медиа. Чтобы привлечь внимание читательской аудитории, в заголовках текстов СМИ часто используются неологизмы с английским структурным элементом *-гейт/gate*, вычленившимся в 70-е гг. XX века из серии наименований типа *Watergate*, *Irangate* и ставшим своеобразным языковым маркером скандала, ср.: „*Rywingate*” – *czyli przyszedł Rywin do Michnika*²¹; „*Azerгейт*” *набирает обороты*²². Словопроизводство гибридов-компрессатов с помощью структурного элемента *-gate(-гейт)*, является эффективным манипулятивным приемом, который используют представители СМИ всех постсоциалистических стран²³, однако степень морфемизации структурного элемента *-gate* в славянских языках – в том числе в сопоставляемых русском, польском и чешском – неодинакова.

3.1. В русском языке интернациональный суффиксоид *-гейт* активно употребляется в транскрибированной форме. Неологизмы, образованные с его помощью, являются названиями политических скандалов, связанных: а) с известными персонами (*Бушгейт*, *Моникагейт*, *Путингейт*, *Медведевгейт*); б) с объектами скандала (*порногейт* ‘скандал, связанный с распространением порнографии’); в) с местом (страной, городом, резиденцией правительства: *Еврогейт*, *Иракгейт*, *Ирангейт*, *Казахгейт*, *Кремльгейт*, *Пермьгейт*). Ср.: *Порногейт* *рассорил Латвию с „диктаторским режимом”* (02.08.2006)²⁴; „*Польский сексогейт*”²⁵; *Путин и Буш – „Дело Разведгейта”*²⁶.

В семантической структуре производных наименований-компрессатов структурный элемент *-гейт* передает родовое понятие ‘скандал’, тогда как производящая основа выступает в качестве видовой характеристики: ‘скандал’ – финансовый (*кризисгейт*), политический (*Путингейт*), энергетический (*нефтегейт*), сексуальный (*сексогейт*).

В словопроизводстве с помощью нового интернационального суффиксоида *-гейт* включаются исконные и заимствованные основы (четвертая стадия морфемизации), причем наиболее активно используются названия лиц по на-

²⁰ *Databáze heslářů slovníků...*, указ. соч.

²¹ www.aferyprawa.com/rywin-gate.html

²² www.newizv.ru/news/2006-10-05/55422

²³ Е.И. К о р я к о в ц е в а, *Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе (к постановке вопроса)*, [в:] *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, red. E. Koriakowcewa, Siedlce 2009.

²⁴ www.utro.ru/articles/2006/08/02/571056.html

²⁵ www.vremya.ru/2006/225/5/166727.html

²⁶ ИноСМИ.Ru/www.gr-sila.ru/document_id89.html

циональности и стран: *армянгейт, баширгеит, белорусгейт, грузингейт, Израильгейт, Казахгейт, киргизгейт, осетингейт, таджикгейт, туркменгейт, украингейт*. Семантически нерегулярные дериваты с суффиксоидом *-гейт* ввиду „размытости” их значений – весьма удобное средство создания ложных аллюзий и манипуляции общественным мнением. Свидетельство тому – полемика в прессе вокруг неодеривата *Казахгейт*, который был воспринят читателями-казахами как сигнал речевого экстремизма, шовинизма и агрессии российских СМИ. Ср. ответную реакцию: *Дорогие журналисты, дорогие международные и прочие организации, все те, кто об этом пишет, прошу вас, не называйте это дело „Казахгейтом”. Меня как казаха это каждый раз ранит. Получается, что все мы завязаны на коррупции*²⁷.

3.2. В польском и чешском языках суффиксоид *-gate* используется значительно менее активно, чем русский изофонный формант, причем он так и не подвергся фонетико-орфографической ассимиляции. С помощью „трансплантированного” суффиксоида *-gate* созданы немногочисленные дериваты (третья стадия морфемизации), ср., напр.: польск. *ropagate, telegate* (около 30 слов – по подсчетам К. Вашаковой), чешск. *Judrgate, ropagate, sexgate/sexygate, Wallisgate, Zipgate, Zippergate* (отмечено всего 10 слов)²⁸.

Несмотря на частичную ассимиляцию заимствований типа *Monicagate* (ср. *Monika-gate*), а также активное использование неодериватов с суффиксоидом *-gate* в текстах масс-медиа, этот структурный элемент уже несколько десятилетий сохраняет в западнославянских языках свою иностранную оболочку²⁹. Очевидно, приоритетное употребление на письме трансплантантных форм с финалями *-ing, -gate*, являющееся следствием искусственного торможения их морфемизации, обусловлено своеобразным пиететом образованных поляков и чехов по отношению к престижному языку „глобализатора” новейшего времени – США.

4. Подводя итоги, отметим, что словопроизводство *nomina actionis* с помощью новых интернациональных формантов *-инг, -гейт* лишь следует общей линии развития семантико-словообразовательной категории, в которую они включаются. Инновацией, существенно повлиявшей на структуру всей семантико-словообразовательной категории *nomina actionis*, в которой ранее отсутствовали отсубстантивные и отадъективные имена процессов, является регулярное их словопроизводство с помощью интернационального греко-латинского суффикса *-изациj(a)*. Их образование, начавшееся со второй половины XIX века, было обусловлено развитием научного мышления, нуждавшегося в отыменных терминах, обозначающих субъектно-объектно ориентированный процесс. Появление неодериватов с формантами *-инг, -гейт* обусловлено

²⁷ Б. А б л о в, Интернет-газета „ZONA^{KZ}” 22 апреля 2004 г., [в:] www.zonakz.net/articles/4print.php?artid=6082

²⁸ *Databáze heslářů slovníků...*, указ. соч.

²⁹ Ср. К. W a s z a k o w a, *Przejawy internacjonalizacji...*, указ. соч., с. 158.

иными социокультурными факторами, прежде всего – англо-американской лингвокультурной модой и потребностью представителей „четвертой власти” в эффективных языковых средствах манипуляции общественным сознанием.

Анализ неударных формантов с формантами *-инг*, *-гейт* показывает, что они находятся на периферии семантико-словообразовательной категории *nomina actionis*, поскольку по целому ряду причин не могут конкурировать с традиционными способами образования имен действия. Новые интернациональные форманты *-инг*, *-гейт* используются преимущественно для создания слов-каламбуров (*-инг*) или компрессатов, заменяющих адъективно-субстантивные словосочетания (*-гейт*). Интенсивному росту продуктивности моделей с этими иноязычными формантами препятствуют следующие системные факторы: 1) ограниченность их словопроизводственной базы; 2) эмоциональная окрашенность формантов *-инг*, *-гейт*; 3) несоответствие их фонетической формы закону восходящей звучности в пределах слога, который сохраняется в фонетической системе современного русского языка как тенденция.

О маргинальности новых интернациональных формантов *-инг*, *-гейт* косвенным образом свидетельствуют особенности их адаптации и морфемизации в польском и чешском языках, где форманты *-ing*, *-gate*, фонетически и орфографически не освоенные, сравнительно редко используются для создания журналистских „деривационных макаронизмов” – окказиональных *nomina actionis*. В современном русском языке неударные с формантом *-инг* появляются в результате языковой игры, в которую усилиями лингвокреативных журналистов вовлечена молодежь. Семантически нерегулярные неударные с формантом *-гейт*, вызванные к жизни лингвокультурным феноменом скандала и потребностью СМИ в действенных средствах языковой манипуляции, являются атрибутом медиальных сенсаций.